

© А.А. Фокин

Советское прошлое Армении: взгляд историков и антропологов

Ключевые слова: Армения, СССР, постсоветская ситуация, конференция

13–15 июня 2023 в Ереване прошла международная конференция «Советский опыт в Армении и его наследие — 2». Основной целью конференции было осмысление последствий семидесятилетнего советского правления в Армении в период с 1920 по 1991 г. и то влияние, которое советское прошлое оказывает на Армению сейчас. Важной частью формата конференции было стремление использовать Армению как своеобразную «лабораторию советского» и посмотреть, какие концепции работают применительно к армянскому материалу, а какие дают сбои и, следовательно, нуждаются в переосмыслении. В рамках конференции было несколько секций: 1) Советский язык и речь; 2) В Армению и из Армении: советская политика к диаспорам; 3) После: отголоски советской политики; 4) Советская пропаганда: сторонники и противники; 5) После: советское образование; 6) Религиозные меньшинства в постсоветской Армении; 7) Образ советского города и горожанина в искусстве; 8) Постсоветская деурбанизация; 9) Постсоветская архитектура. Конференция лишний раз показала, что у социальных антропологов и историков наметилось движение навстречу друг другу. В антропологии происходит архивный сдвиг, в результате чего архивные фонды призваны дополнить полевые материалы, а историки испытывают влияние антропологического поворота и начинают проводить полевые исследования. Представленные на конференции доклады ярко показывают, что это сближение обогащает обе стороны и методологически, и фактографически.

13–15 июня 2023г. в Ереване прошла международная конференция «Советский опыт в Армении и его наследие — 2». Организаторами выступили Институт археологии и этнографии Национальной академии Армении и Армянский исследовательский центр при Университете Мичиган-Дирборн. Основной целью конференции было осмысление последствий семидесятилетнего советского правления в Армении в период с 1920 по 1991 г. и того влияние, которое советское прошлое оказывает на Армению сейчас. Важной частью формата конференции было стремление использовать Армению как своеобразную «лабораторию советского» и посмотреть, какие концепции работают

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6637-9314>

Для цитирования: А.А. Фокин. Советское прошлое Армении: взгляд историков и антропологов // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 132-145.
<https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/132-145>

применительно к армянскому материалу, а какие дают сбои и, следовательно, нуждаются в переосмыслении.

На мой взгляд, такой подход оказывается крайне актуальным, поскольку долгое время советская периферия, извините за тавтологию, была на периферии исследовательского интереса. Несмотря на то, что в исторических исследованиях существует целый ряд направлений, уделяющих большое внимание пространственному фактору — тут прежде всего надо отметить школу «Анналов» (*Бродель* 2002) и мир-системный анализ (*Валлерстайн* 2006) — применительно к анализу советской истории на первый план выходит временной фактор, а пространственный остается в тени. Исследователи предлагают различные варианты хронологического деления советского прошлого; самой популярной хронологией остается деление по руководителям, хотя активно используются и другие маркеры: НЭП, коллективизация, «оттепель», «застой», «перестройка». При этом предполагается, что разные части СССР обладали определенной спецификой, то есть условия, скажем, в Литве отличались от условий в Армении, но в целом советский опыт был географически гомогенным. В значительной степени это связано с тем, что историческая модель столичноцентричности отражается и в логике исторических исследований. Традиционный взгляд исследователя на отечественную историю исходит из столичной точки зрения, даже если объектом исследования оказывается один из регионов страны. Это в первую очередь обусловлено тем, что большинство ключевых решений принимается в столице, где государственные институты не только производят, но и хранят основную массу документов, и следовательно, именно здесь находится основной массив источников. Получается, что взгляд Москвы, или Санкт-Петербурга для дореволюционного периода, является доминирующим в рамках исторических исследований. В качестве примера можно привести книгу, являющуюся центральным текстом для обсуждения позднесоветского общества, Алексея Юрчака (*Юрчак* 2014), написанную на основе интервью с жителями Москвы и Ленинграда и отражающую представления отдельных групп советского общества позднего СССР. Можно ли рассматривать предложенные автором идеи «пространства венаходимости» и «воображаемого Запада» как универсальные для всех групп советского общества, на всей территории Советского Союза?

Помимо внимания к различным, в том числе и национальным, вариантам советского опыта, после 2022 г. возникает еще одна рамка. Значительная часть исследователей из США и Европы или не хотят (по этическим причинам), или не могут (по организационным) полноценно работать с российскими институтами. Следовательно, надо искать новые источники, и уже сейчас можно зафиксировать своеобразный разворот, который в дальнейшем будет только усиливаться, к работе с постсоветскими архивами. Ереван, Тбилиси, Кишинев, Рига, Таллинн, Вильнюс станут новыми центрами осмысления советского опыта, и задача исследователей из России — не замыкаться в рамках прежних моделей, а активно искать пути к интеграции в новые академические дискуссии.

Первая панель конференции была посвящена «советскому языку». Армен Петросян (*Armen Petrosyan*) выступил с докладом «Образы советских вождей в армянском фольклоре». Он отметил, что в СССР сформировался новый тип фольклора, наиболее яркой отличительной чертой которого стало преувеличенное прославление советских вождей. По всей стране создавались эпиче-

ские саги, песни и поэмы на эту тему. В Армении, как и в других советских республиках, этот жанр развивался на основе местной традиции. В 1920-е годы был создан новый ленинско-сталинский «эпос», который, однако, так и не был завершен — разоблачение сталинского «культа личности» и хрущевская «оттепель» остановили его создание. Культ советских вождей был десакрализован, и актуализировался другой жанр — политический анекдот: образы вождей с их «божественных» позиций были низведены до статуса героев анекдотов. В 1960-е годы в школьных и студенческих кружках Армении была популярна специфическая серия анекдотов о Ленине и его соратниках, созданная как пародия на ленинские пьесы Армянского радио.

Никол Маргарян (Nikol Margaryan) выступил с докладом «Недооцененная миссия “гохакана”». *Goghakan* (գողաքան) ближе всего к русскому понятию «воровской закон, воровские понятия». В 1960-е годы в обществах ряда республик СССР стали заметны практики и языковые проявления криминальной субкультуры. Черты воровской субкультуры были особенно распространены в среде промышленного рабочего класса, который в то время составлял более 60% всего населения Армянской ССР и около 80% городского населения. Иными словами можно сказать, что сфера распространения воровских ценностей и норм вышла за узкие социальные рамки субкультуры и претендовала на то, чтобы стать мейнстримом. Примечательно, что развитие воровской субкультуры происходило в таких условиях, когда в официальной речи советских властей наблюдалась тенденция к формализации декларируемых идей, их стандартизации и усилению пропаганды. Особенно это касалось декларируемых ключевых тезисов, таких как равенство, социалистический честный труд, приверженность трудящихся масс политической линии, проводимой партией и государством. Именно к этим тезисам воровская субкультура фактически имела противоположное отношение и принципиально их отвергала. Воровская культура успешно могла заполнить лакуны, которые в позднем СССР образовывал перформативный сдвиг.

Продолжили панель Шушан Карапетян (Shushan Karapetian) и Саркис Триха (Sarkis Tricha), которые представили результаты исследования среди армянских эмигрантов в США «Пересаженная мужественность: Армянское наследие в Лос-Анджелесе». Они анализируют социокультурные и социолингвистические ландшафты траектории становления армянских мужчин, иммигрировавших в Лос-Анджелес из Республики Армения в бурные десятилетия до, во время и после распада Советского Союза (1980-е–2000-е годы). С помощью серии глубинных интервью, посвященных истории жизни, они исследуют их конструкты и проекции маскулинности, начиная с детства в Армении и заканчивая иммигрантским контекстом, избыточным проблемами. К ним относятся прославление, романтизация и принятие советского кодекса «воров в законе», начиная с его истоков в ГУЛАГе и тюрьмах, заканчивая его принятием в (советском и постсоветском) армянском контексте и, наконец, его экспортом и адаптацией в субкультуру городских банд Лос-Анджелеса. Для этого поколения унаследованные представления о мужественности конкурируют и часто конфликтуют с теми, которые были усвоены в Америке, что приводит к ярко выраженным трудностям в их примирении. Исключительное использование, функциональность, статус и даже доминирование армянского языка как языковой формы, посредством которой концептуализируется, процедируется и реализуется мужественность, особенно в контексте диаспоры,

подрывает и бросает вызов устоявшимся нормам в США, которые способствуют быстрой и предсказуемой смене языка практически во всех сферах.

Вторая панель была обозначена как «В Армении и за ее пределами: советская политика и диаспора». Открывал ее Ваге Саакян (Vahe Sahakyan) с докладом «Реализация государственно-ориентированной диаспоральной политики Советской Армении среди армян США и Франции (1920-е–1930-е годы)». В нем он рассказал об усилиях первых советских армянских лидеров в 1920-е–1930-е годы, которые стремились мобилизовать диаспору на поддержку Советской Армении. Государственно-ориентированная, ориентированная на рабочие классы и эксклюзивистская политика оказывала ощутимое влияние на различные диаспорные сообщества, вызывая конфликты и противостояние между их сторонниками и противниками, что показывалось с помощью сравнительного анализа последствий этой политики во Франции и в США. В докладе говорилось, что при проведении государственно-ориентированной эксклюзивистской политики советское руководство Армении и руководство АРФД использовали схожие стратегии, которые включали: а) дискурсивное конструирование коллективных потребностей армян, сосредоточенных на представлениях об армянском государстве и родине (Советской Армении или свободной и независимой Армении); б) создание пространства социализации, в котором армянское население и его потомки, проживающие в диаспоре, регулярно подвергались воздействию этих дискурсов; в) расширение соответствующих государственных структур, г) расширение соответствующих государственных доменов за счет созданных и устоявшихся армянских пространств в диаспоре, что в конечном итоге привело к вовлечению в это соперничество епархии Армянской церкви в США.

Продолжил панель Талинн Григор (Talinn Grigor) с темой «“Советский интурист”: ирано-армянская пресса и визуальный дискурс репатриации». Его анализ был сосредоточен на визуальном дискурсе о Советской Армении, в период с 1925 по 1958 г., создаваемом с одной стороны, советским «Интуристом», а с другой — иранскими газетами на армянском языке. Оба нарратива неустанно изображали Советскую Армению в ярких визуальных терминах как миролюбивую и эгалитарную страну — обетованную социалистическую утопию. Фотографии современного градостроительства и архитектуры международного стиля в Ереване и Тегеране, а также статьи о выдающихся архитекторах и художниках, в частности об Александре Таманяне, призваны убедить диаспоральную общественность в идеале сталинского социализма. Визуальные стратегии были важны для иранского проекта репатриации именно потому, что, в отличие от Запада и Леванта, дискурс репатриации в Иране был направлен на беднейшие армянские крестьянские общины, большинство членов которых были необразованными или не посещали школу. На этих странах изображения современных зданий и городских пейзажей подтверждают правдивость репатриационного нарратива, однако 23 489 иранских армян, большинство из которых были жителями провинций Исфахан и Азербайджан, по прибытии столкнулись с другой, не лучшей родиной.

Далее выступал Тигран Ганалаян (Tigran Ghanalanyan) с докладом «Эмиграция из Советской Армении в 1956–1991 гг.». На основе анализа архивов Армении и США была сделана попытка составить общую картину эмиграции из Советской Армении в период 1956–1991 гг. Эмиграцию из Советской

Армении докладчик рассмотрел через призму эмиграции из СССР в данный период, проводя параллели с эмиграцией евреев и немцев. В этот период армяне в основном эмигрировали в США, а также во Францию, Ливан и другие страны. Подавляющее большинство эмигрантов составляли репатрианты (особенно те, кто эмигрировал в 1946–1949 гг.). Это большинство переехало в Советскую Армению из стран Ближнего Востока и Балкан, но при эмиграции предпочло поселиться в США. Были рассмотрены вопросы интеграции эмигрантов в новые страны (как во внутриармянском смысле, так и в целом). Не случайно, что, несмотря на давно возникшее желание эмигрировать, репатрианты (как американские, так и французские армяне) предприняли практические шаги только в 1956 г.

Третья панель получила название «После: отголоски советской политики». Открывала панель одна из организаторов конференции Гаяне Шагоян (Gayane Shagoayan) с темой «Землетрясение, сломавшее железный занавес: катастрофа при советском режиме». Она отмечает, что «конец» советского проекта в разных регионах наступал по-разному, и случилось это раньше 1991 г. Если для жителей Еревана конец многонациональной империи положило «карабахское движение», то для жителей севера Армении он был ознаменован разрушительным землетрясением 1988 г. Однако землетрясение не только физически уничтожило советское присутствие вместе с тысячами человеческих жертв, но и открыло неожиданное пространство для ряда новых явлений, совершенно чуждых советскому государству, включая новый язык прессы, новую материальность (отношение к собственности на имущество и необычные продукты, полученные в результате гуманитарной помощи), новые гражданские структуры (доступные контакты с международными структурами), новые институты (Американский университет Армении) и т. д. В докладе было проведено сравнение реакции властей СССР на три разрушительных землетрясения, произошедших на его территории (Ашхабадское в 1948 г., Ташкентское в 1966 г. и Спитакское в 1988 г.) с рассмотрением проблемы в соответствующих политических контекстах и сравнением позиции И.В. Сталина, Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева в отношении катастроф.

Гоар Степанян (Gohar Stepanyan) представила доклад «Чемодан семейного наследия на перекрестке советской культурной, национальной политики и модернизации: танцевальные этнографические коллективы». Она опирается на метафору культурного наследия как чемодана, который разные акторы могут открывать и брать нужные в какой-то момент вещи. В докладе отмечалось, что советская культурная политика опиралась на развитую систему Домов культуры, в которых главной формой была народная самодеятельность. В значительной степени она черпала вдохновение из «чемодана культурного наследия», хранимого под покровом семьи, с национальными танцами, песнями и костюмами. В советские годы среди тех, кто открывал этот чемодан, появилось государство — через структуры культурного строительства, Дома культуры, сотрудники которых превратились в уникальных коллекционеров. В качестве объектов изучения выступали Дома культуры Мартунского района Гегаркуникской области и практики постсоветской реинтерпретации их наследия, свидетельствующие об определенном открытии «чемодана наследия» еще в 1930-е годы. Сведения об этом можно обнаружить в воспоминаниях лингвистов о преподавании национальных танцев в школах в 1930-х годах. Некоторые из них даже подчеркивают, что преподавание танцевального на-

следея в те годы проходило в рамках самодельных танцевальных коллективов, ставших локомотивами деятельности Домов культуры в этом регионе в 1960-е годы. Эти материалы с мест подтверждаются специальными исследованиями истории танца в контексте культурной политики, в которых рассматривается становление народного танца как объекта интереса советского правительства с середины 1930-х годов с целью демонстрации многонациональности и мирного братского сосуществования в Советском Союзе.

Далее выступали Айкуи Мурадян (Haykuhi Muradyan) и Нжде Еранян (Nzhdeh Yeranyan) с докладом «Конструирование советского образа города в 1960-е годы: Политические и культурные аспекты (на примере Гориса)». Горис получил статус города в 1870 г., и можно сделать вывод, что во второй половине XIX в. в горном Сюнике сформировалось городское поселение. Новообразованный Горис не сразу стал городом, он был просто создан как административный и торговый центр, темпы развития которого определялись ограниченными возможностями, обусловленными горными условиями и отсутствием железной дороги. После советизации Армении строительство города продолжилось с большим размахом, была создана советская городская инфраструктура. В докладе подробно рассматривается формирование культурного образа Гориса в 1960-е–1970-е годы, процесс увековечивания памяти о прошлом и настоящем города в музее и культурных центрах, а также постсоветские трансформации этого образа. В основе исследования лежит полевая работа в Горисе, и на конкретном примере оно объединяет локальную историю и антропологию.

Четвертая панель называлась «Советская пропаганда: сторонники и противники». Открывал ее доклад Александра Фокина (Aleksandr Fokin) «“Мы ждем, когда вы выявите овода села”: легальный протест против руководства в позднесоветской Армении». На основе материалов, выявленных в архивах Армении, докладчик поставил под сомнение популярную концепцию *Homo Sovieticus*. Партийные органы обязаны были рассматривать жалобы советских граждан, часто анонимные, и составлять отчеты о проверке полученной информации. Часто такие письма были способом решения местных проблем и позволяли выявить локальные конфликты. На примере анализа некоторых таких писем было показано, как в позднем СССР можно было выражать легальный протест против местного руководства.

Следующим был доклад Агаси Тадевосяна (Aghasi Tadevosyan) «Практики де-советизации советско-армянской повседневности в Ереване в 1970-е–1980-е годы». В качестве основы доклада выступают устные интервью о позднесоветском периоде. Многие респонденты отмечали наличие «свободы». Одной из главных характеристик этой «свободы» является распространение десоветских дискурсов и практик в повседневной жизни. Их особенность заключалась в том, что они не носили откровенно антисоветского характера. Они просто не вписывались на советские официальные дискурсы и практики. В силу своей кажущейся нейтральности, которая на первый взгляд не была антисоветской, эти практики игнорировались советскими государственными структурами контроля и постепенно распространялись на новые сферы повседневной жизни. Например, в области моды люди отказывались от так называемой «фабричной» одежды, предпочитая ей «импортную» либо сшитую частными портными. В сфере досуга молодежь предпочитала не-

формальные встречи и зарубежную музыку вместо мероприятий советского образца.

Завершал панель доклад Ганса Гутброта (Hans Gutbrod) «Ереванский мемориал “Каскад”: Возвращение внимания к жертвам репрессий». Каскад — один из символов Еревана, но мало кто из ереванцев, интересующихся историей, знает, что на самой верхней террасе Каскада расположен мемориал жертвам репрессий. Как и сама история советских репрессий, мемориал на Каскаде остается несколько заброшенным, хотя небольшая группа армян сегодня пытается восстановить и вернуть память о репрессиях. 14 июня в Армении отмечается День защиты прав безвинно осужденных в память о репрессированных в годы советской власти. В докладе представлены итоги исследований, проведенных в Ереване в районе мемориала «Каскад», в том числе во время памятных мероприятий 14 июня, которые оказываются вписаны в архитектурный ансамбль «Каскада». Среди прочего автор подчеркивает фрагментарность знаний о советских репрессиях и тот факт, что история советских репрессий плохо вписывается в современный армянский исторический нарратив, находясь в тени турецкого геноцида и нежелания портить отношения с Россией.

В рамках пятой панели обсуждалось советское и постсоветское школьное образование в Армении. Доклад Нелли Карапетян (Nelli Karapetyan) назывался «Сельский учитель: изменение представлений об армянском селе в советский и постсоветский периоды». В исследовании ставится вопрос о том, как процессы перехода от советской к постсоветской социальной, политической и культурной среде повлияли на восприятие школьных учителей в армянских сельских общинах. Основным толчком послужил дискурс об изменении отношения к школьным учителям, об изменении их социальной роли и значимости по сравнению с советским временем, когда учитель представлялся выдающимся социальным и интеллектуальным авторитетом. Для этого были проведены интервью с учителями, учениками и родителями из 20 сел Республики Армения. Полученные данные свидетельствуют о различных уровнях формирования социальной фигуры учителя: государственно-идеологическом и социально-статусном, а также о характере взаимодействия и взаимозависимости между этими двумя уровнями.

Ашкен Акопян (Ashkhen Nakobyan) продолжил затронутую тему докладом «Идентичность учителя и демонстрационные классы в школе эпохи армянской независимости». Изучение показательных занятий, организуемых учителями и администрацией школы, позволяет проследить репрезентацию профессиональной идентичности учителя, общественный имидж школы и ее взаимодействие с обществом. Выбор именно этих мероприятий отражает их публичный и демонстративный характер. В докладе было показано, как остатки советского опыта смешиваются с текущей динамикой идентичности и имиджа учителя. Изучая роль школьных мероприятий, можно лучше понять представления учителей об ожиданиях общества от школы и учителей.

В докладе Лилит Казарян (Lilit Ghazaryan) «Друг или товарищ? Формы обращения в образовательном контексте в постсоветской Армении» вопрос ставился о языковой политике в школе. В большинстве учебных заведений Армении доминирующей формой обращения к преподавателям или автори-

тетным лицам является термин «ункер» (նվկեր), что сопоставимо с «товарищ». Хотя этот термин как форма обращения стал использоваться в Армении при советской власти, само слово существовало гораздо дольше, чем это новое востребованное употребление и значение. Этот термин пережил распад СССР и волну дерусификации. Чтобы лучше понять употребление этого термина, его коннотации и ассоциации, которые возникают у людей по отношению к нему, были проведены интервью с людьми разного происхождения, возраста и опыта. Автор также опирается на результаты своей работы в государственных и частных детских садах, используя наблюдения за участниками и видеозаписи. Поскольку работа находится в стадии завершения, целью доклада было обсудить перспективы исследования и предварительные выводы о бытовании в разных группах термина «ункер».

В рамках шестой панели обсуждались религиозные меньшинства в постсоветской Армении. Юлия Антонян (Yulia Antonyan) представила доклад «Можно ли было “договориться” с властями? Формы выживания и адаптации религиозных меньшинств в советской Армении (на примере молокан, ассирийцев и армян-католиков)». Исторически сложилось так, что территория Восточной Армении после ее присоединения к Российской империи стала пристанищем для различных религиозных групп, мигрировавших туда по разным причинам, но все в рамках имперского проекта. Живя бок о бок на одной территории, различные религиозные общины, тем не менее, были независимы друг от друга, находясь в вертикальной зависимости от центральной власти. В горизонтальной плоскости религиозные общины практически никогда не вступали в тесный контакт друг с другом, за исключением единичных экономических или социальных контактов. Однако после советизации активная борьба с институциональными формами религии, создание колхозов, вынужденные массовые миграции, урбанизация, политика индигенизации и другие факторы привели к формальному разрушению приходских общин, исчезновению клерикальных форм религиозной практики, формальному устранению религиозного компонента из структуры идентичности религиозных меньшинств, а основное внимание было акцентировано на этническом и национальном компонентах. Тем не менее религиозные меньшинства не утратили полностью чувства и границы своей религиозной «инаковости», а в той или иной степени сохранили их. В докладе рассматриваются три религиозных меньшинства в Советской Армении: молокане, ассирийцы и армяне-католики («франки»). Автор показывает, как, несмотря на отсутствие официальных религиозных и религиозно-общинных институтов, эти группы пытались сохранить свою культурную и религиозную идентичность, отличавшую их от других религиозных групп. С одной стороны, группы активно прибегали к различным социальным и культурным механизмам, таким как брачные практики, в частности, религиозная эндогамия, моральная экономика, формы пассивного/активного сопротивления, «замещающие» идентичности, вернакулярные религиозные практики и т.д. С другой стороны, их выживание может быть связано и с особым режимом существования некоторых меньшинств, когда советская власть игнорировала (в той или иной степени) религиозные форматы их идентичности.

Лилит Габриелян (Lilit Gabrielyan) представила результаты своего исследования в докладе «Протестное движение старых пятидесятников в 1960-е годы (на примере учащихся физматшколы, Ереван)». В начале 1960-х годов

в стране возникли протестные политические движения, которые привели к пробуждению пятидесятничества и распространению других религиозных течений. Один из интересных примеров — это возникновение пятидесятнического движения среди студентов физматшколы, работавшей в рамках Ереванского государственного университета. Пятидесятническое движение зародилось в 1960-х годах в физматшколе ЕГУ и охватило около 30 студентов и преподавателей. Это было подпольное религиозное движение, которое со временем было обнаружено КГБ. Однако ни аресты, ни идеологические интервенции, ни «политическое перевоспитание» не достигли своей реальной цели. Активные члены движения того времени впоследствии стали проповедниками и миссионерами пятидесятнических движений, распространившихся в различных слоях общества, а после обретения Арменией независимости — основателями и пасторами вновь созданных церквей. Интересно отметить, что репрессии не только не помешали движению осуществить евангелизацию и основать новые церкви, но и стали важнейшими и наиболее часто переосмыслимыми «легендами» этих новых церквей.

Закрывал панель Анатолий Токманцев (Anatolii Tokmantsev) с докладом «Община Свидетелей Иеговы¹ в Армении как убежище от советской действительности». После распада советской идеологической и политической системы русскоязычное население Армении, в том числе беженцы из Азербайджана, столкнулось с новой социальной реальностью. Люди теряли свое социальное положение, которое обеспечивалось их знанием русского языка. Они часто лишались не только работы, но и источника символического капитала, связанного с владением русским языком, поскольку в новом армяноцентричном мире легитимным источником символического капитала считались только армянский язык и принадлежность к армянам. Разочаровавшись в новой общественно-политической и идеологической системе, многие русскоязычные нашли убежище в многочисленных русскоязычных общинах Свидетелей Иеговы. В русской общине проводятся собрания и библейские занятия на русском языке, и вообще умение говорить по-русски имеет большое значение, и это восстанавливает чувство языковой и социальной нормальности. Важно отметить, что члены русской общины ведут прозелитическую деятельность среди русскоязычного населения. Поэтому община Свидетелей Иеговы переосмысливает значение русского языка как ценного культурного инструмента и восстанавливает связанное с ним социальное уважение. Таким образом, для многих русскоязычных людей община Свидетелей Иеговы служит местом сохранения «советского» социального мира, где они восстанавливают свой социальный статус и самоуважение, основываясь на знании русского языка.

Седьмую панель «Образ советского города и горожанина в искусстве» открывал доклад Соны Мнацаканян (Sona Mnatsakanyan) «Вызов эстетике социалистического реализма: Образ нечеловеческих актеров в романе Армена Мкртчяна “Ереван” (1931)». Доклад был посвящен творчеству Армена Мкртчяна — армянского писателя, чье творчество и активность вызвали критику советской цензуры и впоследствии привели его к ссылке в Сибирь. Самым провокационным его произведением, привлечшим внимание критиков и читателей, стал роман «Ереван», опубликованный в 1931 г. Роман «Ереван» был написан в рамках серии строительных романов, которые должны были

¹ Деятельность организации запрещена в РФ. — Ред.

осмыслить строительство нового социалистического мира и преобразование старого мира трудом советских рабочих и интеллигенции. Роман повествует о строительстве города Еревана и его превращении из «предсовременного» в современный советский город. Сюжет романа вращается в основном вокруг споров двух архитекторов, которые, помимо профессиональных, являются еще и спорами принципиально разных мировоззрений — Восток против Запада, конструктивизм против сталинского неоклассицизма. «Ереван» также отражает горячие споры того времени о поиске соответствующих способов выражения революционной действительности в советском искусстве. Поэтому анализ романа помещается в рамки акторно-сетевой теории. Такой подход позволяет продемонстрировать «стилистические ляпы» романа, не вписывающиеся в критерии социалистического реализма и, более того, ставящие под сомнение идеологию победы человека над природой и объективным миром.

Следующей выступала Кнар Абрамян (Кнар Abrahamyan) с докладом «“Уроки Армении” Андрея Битова как контртекст официальному советскому Еревану». В сентябре 1967 г. Андрей Битов (1937–2018) отправился в советский Ереван, чтобы навестить своего друга, армянского писателя Гранта Матевосяна (1935–2002), и подготовить по заказу журнала «Дружба народов» материал о городе. Свою десятидневную поездку Битов оформил в работу «Уроки Армении», которую он построил как учебник, содержащий «уроки начальной школы» по таким темам как язык, история, география, градостроительство. Разделяя каждый урок, он размышлял о национальных границах, природных достопримечательностях, геноциде армян, городской архитектуре и местной культуре. Впервые опубликованные в 1969 г. в журнале «Дружба народов», «Уроки» неоднократно переиздавались, в частности, в 1976 г. в составе сборника «Книга путешествий». Делясь с друзьями экземплярами этого сборника, Битов добавлял к названию «...по империи» — смелый жест, признающий Советский Союз наследником Российской империи. В докладе утверждалось, что «Уроки» представляют собой имперскую критику и мощный контртекст официальному советскому нарративу о Ереване как современной, прогрессивной столице. Текст Битова позволяет проблематизировать понятие советской Родины как особого пространства, которое влияло на концепции этничности и государственности в Советском Союзе брежневской эпохи.

Далее выступал Тигран Симян (Tigran Simyan) с докладом «Фильмы Артавазда Пелешяна как преобразователи советской, национальной (и транснациональной) идентичности и памяти». В центре доклада был фильм Артавазда Пелешяна «Дистанционный монтаж», который нашел свое теоретическое обоснование в работе «Дистанционный монтаж или теория расстояния» (1971), основанной на развитии теории советского кино (Сергей Эйзенштейн, Дзига Вертов и др.). В докладе показано, как этот новаторский киноязык создавал (советскую) армянскую идентичность. Советская и национальная идентичность Пелешяна рассматривается в контексте транснационализма. Память становится национальной чертой, когда сознание воспринимает реальность рационально, происходит переход от циклического (мифологического) к линейному (рациональному) времени. Восприятие линейного времени формирует национальное и советское «мы», конкретное физическое пространство, а в случае циклического — наднациональное, транснациональное (война vs мир, хаос (разрушение) vs космос (обновление) и т. д.).

Восьмая панель «Постсоветская деурбанизация» перекидывала мостик между советским и постсоветским городом. Эвия Оганесян (Eviya Novhannisyuan) представила доклад «“Строительство дружбы между Иджеваном и Дилижаном”»: антропологическое исследование железнодорожной системы Армении в позднесоветский период». Строительство железнодорожной магистрали Иджеван–Дилижан не было приоритетным для Советской Армении. Оно было осуществлено благодаря тому, что первый секретарь ЦК КП Армении Антон Кочинян был убежден, что столь масштабный проект принесет в Армению значительное количество строительной техники, стройматериалов и специалистов, а значит, новые профессии для местного населения и, в итоге, крупные финансовые вложения. Благодаря строительству железной дороги окрестные села и города получили значительное развитие. Кроме того, строительство велось дольше, чем эксплуатация. 9 августа 1986 г. из Иджевана в Дилижан отправился первый поезд, а в 1994 г. на железнодорожной станции Куйбышево (ныне Агарцин) произошел обвал грунта, в результате чего полуторакилометровый участок железной дороги оказался нерабочим. После этого инцидента железная дорога перестала функционировать. Автор подчеркивает, что строительство дороги изменило повседневную жизнь населения. На основе интервью и архивных материалов показано, что дорога была не только объектом инфраструктуры, но и влияла на культурную жизнь и национальную политику.

Доклад Марии Гунько (Maria Gunko) «Пустота, созданная во тьме: Инфраструктурное наследие “темных лет” в Армении» осмысляет категорию отсутствия. В конкретном случае анализируется период, когда в Армении были серьезные проблемы с поставками электроэнергии. Период 1992–1995 годов получил образное название «темные годы». Страна, население которой гордилось уровнем жизни, а независимость была встречена с избытком оптимизма, оказалась в «предсовременной эпохе». Лишенные электричества, тепла, а зачастую и водопровода, люди жили при тусклом свете свечей и готовили пищу на маленьком огне деревянных печей. Разрушение советских инфраструктур в Армении материально отражало динамичное разрушение власти советского государства, современности и жизни, которую они поддерживали. Докладчик рассматривает механизмы преодоления трудностей и солидарности, возникшие в небольшом армянском городе в «темные годы», сосредоточившись на их материальном и нематериальном наследии, которое продолжает формировать дискурсы о (несостоявшихся) инфраструктурах. В исследовании были использованы устные истории, архивные материалы и наблюдения за участниками.

Доклад Лори Хачадурян (Lori Khatchadourian) «Трагедия бесхозного имущества: Бесхозная собственность и право на злоупотребление (‘right of abusus’))» касался правовых вопросов. Во многих случаях разрушенные советские заводы являются охраняемой частной собственностью; владельцы утверждают свои права на собственность с помощью грозного комплекса заборов, замков, камер, охранников и собак. Но нередко ограждение приватизированных предприятий оказывается проницаемым, и выведенные из эксплуатации советские заводы открыты и доступны для всех — от скупщиков активов и городских исследователей до пастухов и их стад. В таких случаях владельцы как бы отказываются от своих прав собственности. Они отказываются от специфического права собственности, известного нам из римского

гражданского права как «право злоупотребления» — право на разрушение, демонтаж, отчуждение. Респонденты называют такую собственность, которая по закону является частной, но практически заброшена, «антер» (անտեր). В условиях бесхозности право злоупотребления видится как всеобщая, поскольку собственность является «антер», или фактически (даже если не юридически) бесхозной. Трагедия бесхозности относится к ущербу, который возникает в таких ситуациях. В качестве примера рассматриваются руины Гюмрийского мясокомбината.

Последняя, девятая панель была посвящена постсоветской архитектуре. Лилит Тер-Минасян (Lilit Ter-Minasyan) представила доклад «Армянский опыт строительства домов-коммун: на стыке социальных экспериментов и архитектуры». Дома-коммуны строились во многих городах СССР, многие из их проектировщиков входили в число видных представителей советской авангардной архитектуры. В Армении дома-коммуны проектировали архитекторы Микаэл Мазмяян и Каро Алабян. В 1929 г. они спроектировали дом-коммуну для рабочих Механического завода (проект не был реализован), а в 1930 г. — дом-коммуну для работников Ереванской ГЭС. Был завершён только один жилой дом. В результате в Ереване советский социально-архитектурный эксперимент оказался запоздалым, хотя сам дом продолжил свое существование уже вне авангардного контекста.

Последним докладом конференции было выступление Эчем Сарикаир (Есеч Сарикайр) «Архитектура переходного периода: Новая армянская архитектура в раннем Советском Союзе». Более века спустя наследие первого поколения советских армянских архитекторов по-прежнему определяет идеализированный образ армянской городской архитектуры. Исследования армянской архитектуры традиционно сосредоточены на средневековом периоде. Однако при этом редко показывается, как эти средневековые формы были восприняты в архитектуре первым поколением советских армянских архитекторов. Например, под влиянием популярной в тот период идеи города-сада в градостроительном плане Еревана 1924 г. Александра Таманяна и Николая Бунятова было много ссылок на археологические памятники средневековой архитектуры. Таким образом, традиционное внимание к средневековью заслоняет ещё более важную грань армянской истории: архитектурное творчество первого поколения советских армян в значительной степени формировалось и под влиянием современной политики. Архитекторы, вбирая советские идеи, сочетали их со средневековым наследием и представлениями об архитектуре Южного Кавказа, выстраивая таким образом новый образ Еревана.

Если попробовать подвести некие итоги конференции, то следует отметить симптоматичность того, что конференция была организована не классическими историками, а представителями Института археологии и этнографии НАНА. Именно они взяли на себя задачу проблематизировать советский проект в Армении. Это лишний раз показывает, что между социальными антропологами и историками намечилось движение навстречу друг другу. В антропологии происходит «архивный сдвиг», в результате чего архивные фонды призваны дополнить полевые материалы, а историки испытывают влияние антропологического поворота и начинают проводить полевые исследования. Представленные на конференции доклады ярко показывают, что это

сближение обогащает обе стороны и методологически, и фактографически. Но закончить я хочу небольшой личной ремаркой: все дни конференции меня не покидала одна грустная мысль, что я был единственным представителем российской институции на конференции. При этом было большое количество участников из США и Европы. Таким образом представители российской академии оказываются на периферии при разговоре о советском прошлом; и если аспиранты и сотрудники западных вузов учат армянский и другие языки и едут проводить полевые исследования в постсоветские страны, то со стороны российских коллег такого внимания я не вижу.

Научная литература

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Валлерстайн И. Мирово-системный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Essay

Fokin A. A. Armenia's Soviet Past: the View of Historians and Anthropologists [Sovetskoe proshloe Armenii: vzgliad istorikov i antropologov]. *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 132-145, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/132-145>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Fokin A. A. | a.a.fokin@utmn.ru | <https://orcid.org/0000-0001-6637-9314> | Department of Humanities of the Institute of Social Sciences of the I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia (Sechenov University), Associate Professor

Abstract:

On June 13–15, 2023, the international conference «The Soviet Experience in Armenia and its Legacy — 2» was held in Yerevan. The main aim of the conference was to reflect on the consequences of the seventy years of Soviet rule in Armenia between 1920 and 1991 and the impact that the Soviet past has on Armenia now. An important part of the format of the conference was to use Armenia as a kind of «laboratory of the Soviet» and to see which concepts work for Armenian material and which ones fail and therefore need to be rethought. The conference had several sections: 1) Soviet Language and Speech; 2) In and out of Armenia; Soviet policies and diaspora; 3) Post / the Echoes of Soviet Policy; 4) Soviet Propaganda: Advocacy as resistance; 5) Post/Soviet Schooling; 6) Religious Minorities in Post/Soviet Armenia; 7) The Image of the Soviet City and Citizen in Art; 8) Post/Soviet De/urbanization; 9) Post/Soviet Architecture. The conference once again showed that social

anthropologists and historians are moving towards each other. Anthropology is undergoing an archival shift, as a result of which archival collections are intended to complement field materials, while historians are influenced by the anthropological turn and are beginning to conduct field research. The papers presented at the conference vividly show that this convergence enriches both sides both methodologically and factually.

Keywords: Armenia, USSR, post-Soviet situation, conference

References

- Braudel, F. 2002. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epohu Filippa II* [The Mediterranean Sea and the Mediterranean world in the era of Philip II], in 3 parts: P. 1. M.: Iazyki slavyanskoi kultury.
- Wallerstein, I. 2006. *Mirosistemnyi analiz: Vvedenie* [World System Analysis: Introduction]. M.: Izdatelskii dom «Territoriiia budushchego».
- Iurchak, A. 2014. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

